

надцатой пятилетки хозяйства страны недопоставили государству 58,4 млн т зерна, 63 млн т сахарной свеклы, 2,6 млн т семян подсолнечника, 3,2 млн т скота и птицы (в живом весе). Чтобы удержать достигнутый уровень снабжения населения продуктами питания и товарами, ЦК КПСС и правительство вынуждены были принимать меры особого порядка. В 1981–1982 гг. импорт зерна, сахара, растительного масла, мяса и молочных продуктов обошелся государству в несколько миллиардов рублей валютных средств.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия безотлагательных мер, способных приостановить деградацию аграрного производства. На решение этих задач была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. Она предусматривала реализацию комплекса мер для повышения материального благосостояния колхозников, расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшения медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Агропромышленный комплекс был выделен в качестве самостоятельного субъекта планирования и управления, для чего на всех уровнях создавались новые органы управления (агропромышленный комитет при Совете Министров СССР, комиссии по АПК при крайисполкомах и облисполкомах, агропромышленные объединения в районах). Списывались задолженности сельхозпредприятий, было проведено очередное повышение закупочных цен [5, с. 21–61]. Ситуация в аграрном секторе с 1983 г. начала стабилизироваться.

Установление твердого плана производства сельхозпродукции для предприятий, введение доплат за сдачу сверхплановой продукции, повышение закупочных цен, расширение производственной самостоятельности сельхозпредприятий стали результативными мерами, особенно в годы восьмой пятилетки. Среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции во второй половине 1960-х гг. были одними из самых значительных за всю историю советского государства и составляли 4,2 % по стране и 3,9 % по Сибири [6, с. 230–295]. Реальная хозяйственная практика поставила на повестку дня вопрос о предоставлении сельхозпредприятиям большей финансовой и производственной самостоятельности. Однако

абсолютизация плана как механизма регулирования развития аграрного сектора, неэквивалентный характер закупочных цен на сельхозпродукцию, нежелание правящей партии пойти по пути дальнейшей либерализации советской экономики привели в 1970-е гг. к доминированию директивных методов управления сельским хозяйством. Аграрный сектор Западной Сибири к концу десятой пятилетки оказался в сложной финансовой ситуации и отреагировал снижением производства.

Меры по стабилизации ситуации в сфере аграрного производства, принятые в рамках реализации Продовольственной программы и во многом напоминавшие начинания мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г., способствовали некоторому улучшению ситуации. К концу рассматриваемого исторического периода система взаимоотношений государства и сельхозпредприятий нуждалась в дальнейшем пересмотре. Попытка синтеза централизованного планово-директивного управления отраслью и самостоятельности сельхозпредприятий не смогла существенно изменить действующий хозяйственный механизм в сельском хозяйстве. Партийный аппарат выступил гарантом соблюдения доктринальных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 10 (1961–1965 гг.).
2. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. документов / сост. и науч. ред. Д.С. Орлов. Бийск, 2011.
3. Орлов Д.С., Андреев С.Н. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Бийск, 2010.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.
5. Продовольственная программа СССР: сб. нормативных документов. М., 1985. С. 21–61.
6. Ильных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Сибирь: проекты XX в. (начинания и реальность) / Долголюк А.А., Ильных В.А., Ламин В.А. и др. Новосибирск, 2002.

Статья поступила
в редакцию 02.11.2012

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.

Средневековые религиозные движения – сложное историческое общественное явление. Замечательные исследования этого феномена учеными 60–70-х гг.

XX в. (А.А. Зимин, Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, Н.В. Синицына, Н.И. Клибанов, Б.М. Клосс и др.) стали неоспоримым достоянием отечественной науки. Поисками новых подходов к решению данной проблемы отмечены работы 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (Р.Г. Скрынников, А.И. Алексеев, А.И. Плигузов, В.М. Кириллин, Я.Р. Хоуллетт, Н.Н. Лисовой).

Книга А.И. Алексеева во многом систематизирует накопленные, в том числе и зарубежной наукой, знания по вопросам природы религиозных споров, средневековой философии и еретических учений на Руси XV–XVI вв. Полученная картина служит контекстом для анализа сочинений Иосифа Волоцкого, требующего некоторой модификации приемов. «На сегодняшний день, – признается исследователь, – приходится констатировать, что источниковедческая разработка проблем отстает от уровня обобщений, на котором ведутся споры».

Историография вопроса об учении жидовствующих, изложенная в книге А.И. Алексеева, охватывает множество концепций и отражает состояние науки на сегодняшний

день. В монографии расставлены акценты и даны объективные оценки результатам отечественных и зарубежных исследований XIX–XX вв. Справедливо отмечено, что недостаточно современных источниковедческих и текстологических исследований сочинений на тему религиозных движений.

Проведенный историографический обзор выявил проблемы в изучении творчества Иосифа Волоцкого. Так, немецкий богослов Гюнтер Шульц в 1989 г. высказывался о недостаточном изучении его богословского наследия; для оценки трудов книжника необходимо в первую очередь выявление использованных источников; требует своего решения вопрос об автографах церковного писателя и т.д. В книге А.И. Алексеева, который неоднократно оговаривает, что не претендует на окончательное решение проблемы и тем самым не закрывает тему, намечены пути дальнейшего продуктивного исследования сочинений Иосифа Волоцкого.

Очерк деятельности и творчества игумена монастыря на Волоке Ламском составлен на основе последних достижений гуманитарной науки и развернут в историческом времени. Во многом обновленные биографические данные церковного писателя, краткая характеристика его богословия, аналитическое описание отношений Иосифа с великим Московским князем, первым государем всея Руси Иваном III, ставшим «символом эпохи в глазах многих поколений историков», с современниками (Нилом Сорским, Вассианом Патрикеевым, архиепископом Серапионом и др.), общая оценка сочинений Иосифа Волоцкого, история почитания и иконографические заметки преподобного – рассчитаны на восприятие современного читателя, воспитанного на информационной пресыщенности и ищущего краткого и четкого ответа на сложные вопросы. Один из таких ключевых ответов, который можно расценивать как научную гипотезу, касается времени создания «Просветителя». «По нашему мнению, – пишет А.И. Алексеев, – Иосиф Волоцкий в 1490-х – 1502 г. создал “Просветитель” в объеме не менее 13-ти “слов”, а в 1502–1504 гг. выступил с посланиями к иерархам с призывом начать борьбу против “жидовствующих” во главе с бывшим митрополитом Зосимой. На основании этих данных можно заключить, что Иосиф вступил в публичную борьбу с ересью не ранее 1502 г., а основное ядро “Просветителя” было создано на предшествующем публичной полемике “келейном” этапе творчества».

А.И. Алексеевым предложена корректировка предшествующих научных выводов по истории общественной идеологии Древней Руси. В своих построениях он опирается на анализ отношений светской и церковной властей на рубеже XV–XVI в., изменений церковной практики в это время, влияния эсхатологических настроений на религиозные и социокультурные процессы конца XV в.

В первой части монографии три «исторические экспликации» составили содержание самостоятельных глав: «Ожидание конца света на Руси в контексте эсхатологии раннего Средневековья», «Ересь жидовствующих» и «Иван III – неортодоксальный правитель Святой Руси?» В них воспроизведены картины бурного времени рубежа XV и XVI вв. и рубежа эпох: Средневековья и начала Нового времени. Активным участником общественных процессов своего времени был Иосиф Волоцкий.

История ереси жидовствующих в настоящей монографии представлена как каузальный источник порождения «Книги на новгородских еретиков», или «Просветителя», Иосифа Волоцкого, самой являющейся ее уникальным источником. Такой замкнутый «ход» исследования оправдан позицией автора, разделенной им с французским ученым А. де Либера: «пока речь идет о Средних веках, вся историческая практика базируется на текстах».

Новый подход А.И. Алексеева к изучению еретических движений на Руси состоит в анализе идеологии стригольников и жидовствующих в контексте религиозных явлений западноевропейского Средневековья и раннего Возрождения.

Основной предмет исследования – история текста «Просветителя» и ряда посланий Иосифа Волоцкого, отношение Краткой и Пространной редакций, время составления «Просветителя» – изучается во второй части монографии.

А.И. Алексеев ставит под сомнение длительность работы Иосифа Волоцкого над своим богословским трактатом: «согласно общепризнанной точке зрения на творческую историю «Просветителя», создание этого памятника растянулось почти на сорок лет и охватывает период приблизительно между 1476/1477 и 1515 г.... Уже сам факт... способен вызвать немалое удивление. Но все-таки главные сомнения в достоверности существующей схемы рождаются при изучении сохранившихся рукописей памятника».

Автор предложил свою научную версию происхождения «Книги на новгородских еретиков», сделав акцент на двух списках, связанных с книгописной мастерской Волоколамского монастыря: ГИМ, Епархиальное собр., № 339 и 340 (в науке, вслед за Я.С. Лурье, изначальным списком признана рукопись РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, сохранившая древнейший вид «Просветителя», ее Краткую редакцию). На основе анализа редакторской правки епархиальных списков исследователь приходит к выводу о том, что «древнейший вид Пространной редакции представлен в списке Епарх. 340» (он аргументированно не соглашается с мнением А.И. Плигузова о редакционных различиях списков Епарх. 339 и Епарх. 340). Именно Пространная редакция, по мнению А.И. Алексеева, первична по отношению к Краткой (Я.С. Лурье на основе текстологического изучения 97 списков «Просветителя» доказывал, что первична Краткая, вторична Пространная редакция).

В опровержение двух существующих точек зрения относительно создания Краткой редакции «Просветителя» – 1492–1494 гг. или 1502–1504 гг., А.И. Алексеев предлагает иную датировку: «основное ядро памятника в объеме 13-ти “слов” сформировалось в 1499–1502 гг., а в период между 1502–1506 гг. было дополнено еще тремя «словами» в целях развернувшейся полемики с “нестяжателями”». Основные аргументы исследователя почерпнуты из анализа исторических данных. Так, он считает, что «только после разрешения династического кризиса в пользу княжича Василия в апреле 1502 г. появляются полемические послания Иосифа Волоцкого с призывом начать борьбу с жидовствующими». А.И. Алексеев предлагает «по-новому оценить информационную ценность сведений “Просветителя” как трактата, написанного в период сохраняющегося влияния жидовствующих и отражающего реалии начала решающего этапа

напряженной борьбы с ересью» (А.С. Лурье, А.А. Зимин, Н.И. Клибанов считали, что складывание «Книги на новгородских еретиков» связано с подготовкой собора 1504 г., окончательно осудившего еретиков).

Несомненную ценность работе придает поиск источников «Просветителя». Сопоставительный анализ «слов» Иосифа Волоцкого, посланий, Устава и других его сочинений свидетельствует о содержательном совпадении разных памятников, но текстуальные расхождения не позволяют признать их прямыми источниками «Просветителя». Итак, вопрос об источниках «Книги на новгородских еретиков», как убедительно показано в книге, остается открытым.

Новое исследование еретических учений на Руси и творческой истории «Просветителя» достойно продолжает

отечественную традицию изучения уникального памятника древнерусской книжности начала XVI в. На очереди подготовка научного издания труда игумена монастыря на Волоке Ламском (пока мы пользуемся публикацией 1904 г.).

Воссоздание истории авторского текста Иосифа Волоцкого, творчество которого стояло у истоков русской публицистики, крайне необходимо и для точной научной оценки трудов его ученика и последователя митрополита Даниила, для понимания закономерностей исторического развития общественно-политической литературы русского Средневековья.

д-р филол. наук *Л.И. Журова*,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 260 с.

«Человек с ружьем» – во многом именно его фигура определила ход революции 1917 г. в России и облик установившегося после ее завершения политическо-

го режима. Размежевание на два лагеря – революционный и контрреволюционный – вызвало раскол в большинстве социальных групп российского общества, в том числе офицерства. Механизмы этого раскола важны как для понимания истоков и взрывания движущих сил революции, так и для четкого представления о возможных последствиях резкого ухудшения социального статуса и психологического самочувствия профессиональных военных для общества и государства. Одно из первых монографических исследований на эту тему принадлежит омскому историку В.Л. Кожевину, стоявшему у истоков военно-антропологического направления в современной отечественной историографии.

Авторский замысел последовательно раскрыт в пяти главах. Первые две только подводят читателя собственно к Февралю 1917 г. Сначала В.Л. Кожевин показал социально-психологический облик российского офицерства. Нужно отдать должное наблюдательности автора, хорошо знакомого с широким кругом мемуаристики и художественной литературы и обладающего тонким чутьем на детали быта и психологии офицерской среды конца XIX – начала XX в. С любовью и даже любованием реконструирует он процветавший в военно-учебных заведениях «цук» — комплекс обычных правил и ритуалов, аналог современной дедовщины, однако куда более нацеленный на армейскую социализацию нового пополнения офицеров и более интеллигентный. Полезные наблюдения о формировании корпоративных ценностей сделаны автором при анализе специфики складывания социальных границ между «своими» и «чужими», т.е. офицерством и миром «гражданских»; отмечено их растущее взаимное отчуждение, недоверие, маркированное коллективными стереотипами «держиморды» с нагайкой и зуботычиной, да «белоперчаточников», разговаривающих «через губу», с одной

стороны, и враждебного мира за стенами гарнизона, готового унижить и оскорбить офицера – с другой. Ценно обращение автора к зарождавшейся военной публицистике и художественной литературе, анализ обсуждавшихся в них проблем, связанных с социальной самоидентификацией в профессиональной офицерской прессе. На страницах монографии детально проанализированы публикации военных теоретиков М.И. Драгомирова и Н.Д. Бутовского и известных общественных деятелей, таких, как В.С. Соловьев и В.В. Розанов. Автор проследил надлом, произошедший в самооценках офицерства под влиянием общественного движения пореформенного периода, Первой русской революции и особенно Первой мировой войны. Вместе с тем, обоснован вывод о зачаточности политического сознания офицерства, наличии серьезного психоментального разрыва между интеллигенцией и офицерством, социально являвшимся ее органичной частью, а психологически – аутсайдером, изгоем.

В третьей главе дан анализ конкретных событий, связанных с началом Февральской революции. В центре авторского внимания – террор против офицеров в двух столицах и на военно-морских базах Балтийского флота. Автором верно подмечено, что в первые дни гибели не только известные консерваторы, но и офицеры, примкнувшие к революции. Главной причиной убийств и насилия матросов над офицерами были личные счеты, месть не только за поступки и слова. Даже тон офицера мог спровоцировать низшие чины на непоправимые действия. Причем решающим мог стать эмоциональный настрой. Так, командующему Балтийским флотом вице-адмиралу А.И. Непенину, выразившему готовность выполнить все более-менее разумные и выполнимые требования матросов, не удалось сохранить жизнь. В переговорах с восставшими матросами он не удержался от саркастического тона, и это подтолкнуло конвоиров к расправе над ним. Часто положение усугублялось стремлением готовых принять революцию офицеров к исполнению приказов вышестоящего начальства, их дисциплинированностью, уверенностью, что в армии воюющего государства всякие преобразования должны происходить планомерно и управляемо.